

жил памятью о ней, всем сердцем разделял ее судьбу. Живя там, на Западе, он, как и большинство русских лит. эмигрантов, все равно чувствовал себя на чужбине. Вот несколько строк из его стихов того времени: «Все невопад и не под стать. / Бессмысленно и грустно / Стихи в Америке писать. / В чужой стране — по-русски». Эти настроения не покидают Г. до конца его дней: «Многое было, бывало. / Сердце, должно быть, устало / От безысходности всех / Чайний, бед и утех». В отзыве Ю. Иваска на сб. «В тени» отмечалось: «„Молодые стихи“ его хорошо сделаны: он учился версификации у Брюсова <...>. Но все поздние стихи лучше, значительнее, оригинальнее, если сравнивать их с ранними. По вкусам своим Г. скорее консервативен <...>. Он отдает предпочтение точным рифмам и метрам, испытанным временем и опытом. Но никак нельзя сказать, что пишет он „по старинке“. В его поэзии есть четкость: рисунок резкий, а тон суховатый, иногда жесткий, даже „жестокий“. <...> Глинка сам по себе — с ему одному присущими интонациями, с причудливой игрой слов, понятий. <...> Достается в его стихах нашей эпохе. Обвинения Глинки оправданы». (Ю. Иваск. Новый ж. 1968. № 92. С. 295–296). Ю. Иваск отмечает также близость Г.-поэта поэтической публицистике И. Елагина.

В США Г. мн. годы продолжал лит., в т. ч. и преподавательскую работу: читал лекции в колледжах и ун-тах, публиковал статьи о лит. жизни, в т. ч. советской (в журналах русской эмиграции «Вестник РСХД», «Время и мы», «Новый ж.», «Континент» и др., в альм. «Содружество», газ. «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.).

Разные источники сообщают противоречивые сведения о принятии Г. американского гражданства; в частности, сын Г. Глеб утверждает, что этот шаг писателем не был сделан...

Как писал Виктор Леонидов в статье, посвященной 10-летней годовщине смерти Г., «он продолжал до последних дней напряженно работать <...>. И, конечно, очень хотел вернуться в Россию своими стихами» (В. Леонидов. Русская мысль. 1999. 5–11 марта).

Этого, к сожалению, пока не произошло: в отечественных библиотеках книг Г. (не только изданных в России, но и заокеанских), в сущности, нет (за вычетом двух-трех крупнейших библиотек России), в т. ч. и его книг, изданных в 1920-е и 1930-е. Лишь в самом конце 1990-х в Москве Музеем Марины Цветаевой была издана — очень маленьким тиражом — единственная книга Г. **«Собрание стихотворений»**.

Как поэт оригинальный и глубокий, Г. был высоко оценен такими авторитетными литераторами Русского зарубежья, как Роман Якобсон и Иван Елагин. Публичные выступления Г. к концу 1980-х становятся по состоянию его здоровья все менее активными. В одном из некрологов сообщается: «Летом 1986 г. на литературном вечере в Русской летней школе в Норвиче Г. выступил — в последний раз перед публикой — с чтением своих стихов» (Первушин Н. Новый ж. 1989. № 176).

Соч.: Времена года. М., 1926; То же. М., 1929; Изразцовая печка. М., 1929; Эшелон опаздывает / в соавт. с Б. Губером. М., 1932; Истоки мужества. М., 1935; Павлово-на-Оке. М., 1936; На путях небытия // Новый ж. 1953. № 35; О себе // Содружество. Нью-Йорк. 1966; В тени: Избранная лирика. Нью-Йорк, 1968; Было завтра. Нью-Йорк, 1972; Книга стихов / сост. Глеб Глинка-сын, послесл. Н. Коржавин. Нью-Йорк, [б. г.]; Собр. стихотворений. М.: Музей Марины Цветаевой, 1997; Погаснет жизнь, но я останусь: собр. соч. М.; Томск, 2005.

Лит.: Елагин И. Косой полет // Новый ж. 1967. № 88; Иваск Ю. Глеб Глинка. В тени: Избранная лирика // Новый ж. 1968. № 92; Первушин Н. Памяти ушедших: О поэте Глебе Глинке // Новый ж. 1989. № 176; Некролог // Новый ж. 1989. № 177; Леонидов В. Был он автор, был поэт... // Русская мысль. 1999. 5–11 марта.

В. М. Акимов

ГЛИНКА Михаил Сергеевич [27.5.1936, г. Старая Русса] — прозаик.

Потомок старинного дворянского рода, представителями которого были видные деятели культуры, искусства, управления и военного дела. В его родословной — композитор М. И. Глинка, литераторы С. Н. и Ф. Н. Глинки, первый профессор-филолог из дворян Г. А. Глинка. Отец — специалист по военному коневодству, работал на Северном Кавказе. Мать преподавала иностр. языки. Школьные годы провел в Кологриве, затем в Ленинграде. Окончил Нахимовское военно-морское училище (1954), Высшее инженерное военно-морское училище в Ленинграде, Высшее военно-морское инженерное училище подводного плавания в Севастополе (1959). В 1959–65 служил на флоте и работал в науч.-исследовательских учреждениях АН СССР.

Первый рассказ **«Шлюпки»** опубликован в «Звезде» (1964. № 11). Спокойный, естественный стиль его письма, тонкое чувство слова вызвали интерес именитых литераторов к начинающему писателю. На страни-

цах «Вопр. лит-ры» новое имя поддержал Ю. Герман, высказавшийся о рассказе Г. **«Ружье»**: «Рассказ отличный, точный, написанный с настоящей болью за человека» (Герман Ю.— С. 124). В. Конечкий, Ф. Абрамов, Ф. Искандер также проявили писательские симпатии к творчеству Г.

Уже будучи профессиональным писателем, Г. немало путешествовал по стране и миру. Каждое из таких путешествий становилось материалом для лит. опытов. Так, например, в 1966 после многодневного плавания по озеру на катере Лимнологического ин-та Г. пишет очерк **«Двадцать дней на Байкале»**. В 1970 побывал в дельте Волги, в Астрахани, где стал свидетелем эпидемии холеры (повесть **«Вторая американка»**); в том же году принял участие в маневрах «Океан» на атомной подводной лодке Северного флота (повесть **«Горизонт чист»**). По заданию Балтийского морского пароходства в 1978–79 четырежды пересекал Атлантику (книга **«Ветер Балтики»**).

Вступил в СП СССР в 1968.

Первый сб. повестей и рассказов Г. **«Улицы ведут к морю»** (1967) высоко оценил В. Мануйлов, писавший о насыщенности стиля прозы Г.: «его язык всегда точен, поэтически свеж и интонационно энергичен», книга поражает «своей достоверностью, жизненной правдой, и вместе с тем в ней есть ветер романтики» (Мануйлов В.— С. 3). Отметив особую значимость для писателя темы флота (рассказы **«Второй механик»**, **«Шлюпки»**, **«Весной»**), Мануйлов указал на то, что уже в этих ранних произведениях «определяется характерный для писателя интерес к морально-этическим проблемам, борьба между „хочу“ и „надо“, „должен“. В этих словах для автора заключены раздумья о том, что связывает людей и что их разъединяет: долг и эгоистическое начало» (Там же). Н. Изюмова в своей рецензии на «Улицы ведут к морю» отметила глубокое знание Г. человеческой психологии.

Вторая книга Г.— **«Берег перемен»** (1971) — свидетельствует о творческой зрелости автора. Его книга объединила рассказы о надежных людях, являющихся собой характеры, которые не поддаются обстоятельствам, и о тех, кто утратил прочность человеческой личности (рассказы **«Ружье»**, **«За Новгородом»**). В рассказе «За Новгородом» произошла история, сюжетно похожая на «Даму с собачкой» А. П. Чехова. Чеховскую лит. традицию усматривает в творчестве Г. и С. Фомичев, указавший на продолжение этой традиции в «лиризме прозы» писателя,

в «особой подчас концентрации событий, когда короткий рассказ вмещает в себя всю жизнь человека». И за всем этим стоит «чеховская грусть о разобщении людей» (Фомичев С.— С. 68).

Среди созданных в 1970-е произведений особенно выделяется роман **«Водяной знак»** (1977), названный автором «повестью». Как отметил М. Кураев, если под «повестью» понимать «историю одного события», то «Водяной знак», «населенный героями XVI, XVII, XVIII, XIX и XX веков, строго говоря <...>, — повесть, поскольку рассказывает о попытке главного героя разглядеть и в себе и за далью прежних дней что-то призрачное и неразличимое, от большинства его современников скрытое, это история его рода, его предков» (Кураев М.— С. 26). Строитель-подрывник Евгений, еще ребенком вывезенный из Ленинграда во время эвакуации и вернувшийся с выдуманными именем и фамилией, ничего о себе не знает. Его дядя, профессор истории, способен вернуть «безродному» герою утраченный род, направить молодого человека по пути возрождения. «Роман „Водяной знак“ <...> стал важным шагом писателя на пути самопознания, этот отход в бездны истории нужен для того, чтобы, как бы придя оттуда, освободившись от забот преходящих, быстротекущих дней, ответить на самый важный для себя вопрос: время делает человека, или его поступки, мысль, воля, а может быть, и напротив, безмыслие, безволие, отказ от поступка — и есть лицо времени?» (Кураев М.— С. 27).

Написанные в 1980-е произведения **«Горизонтальный пейзаж»** и **«Конец лета»** были изданы одной книгой в 1989. Под одной обложкой оказались объединены документальная и худож. повести. «Быть может, самое интересное и содержательное в прозе Михаила Глинки — поиск и выработка индивидуального отношения к людям, событиям и даже собственным переживаниям. Читателю простодушному и поверхностному эта внутренняя сосредоточенность может даже мешать, отвлекая его от событийной канвы. Читатель же более искушенный скоро поймет, что выработка взгляда есть одновременно выработка поведения и что она-то и составляет главное событие этой прозы» (Крышук Н.— С. 479). Называя творчество Г. «мужской прозой», критик поясняет свой неологизм, в частности, тем, что Г. «любит сильные концовки. Когда чувство не дает себе воли <...>. Открытой эмоциональности герой его, а вместе с ним и автор, как будто стыдится. Деталь — другое дело, тут как бы ничего не сказано, а то, что вы

ощущаете при этом, ваше дело» (Там же. С. 492). Вот, например, как передается безмерное напряжение героя повести «Конец лета» в момент судьбоносной встречи: «В руках у меня хрустнуло стекло, я слышал, как из раздавленного ареометра полилась кислота, как стала капать на пол <...>. Кислота начинала жечь мне под ногтями» (Горизонтальный пейзаж; Конец лета. С. 450).

Г. принадлежит к писателям, наделенным отличным слухом к жизненным ситуациям. Все книги Г.— «одна увлекательная и поучительная повесть о победе „внутреннего“ человека, даже если от него осталась лишь тень, над „наружным“, — победа, такая нужная отечеству и, в сущности, доступная каждому человеку, способному решиться на автономное плавание» (Кураев М.— С. 28).

Соч.: Улицы ведут к морю: повести и рассказы. Л., 1967; Берег перемен: повести и рассказы. Л., 1971; Крыло волны: повести и рассказы. Л., 1973; Васильевский остров: повесть и рассказы. Л., 1974; Водяной знак: роман. М., 1977; Горизонт чист: повести и рассказы. М., 1979; Горизонтальный пейзаж: повести. Л., 1983; Ветер Балтики: История Балтийского морского пароходства. Л., 1985; Конец лета: повесть. М., 1985; Горизонтальный пейзаж: повести и рассказы. Л., 1986; Дождливый май: повести и рассказы. Л., 1986; Петровская набережная: повесть. Л., 1987; Горизонтальный пейзаж; Конец лета. Л., 1989; Свободы вечное преддверье: [сб.]. Л., 1990.

Лит.: Герман Ю. Жизнь, характеры, конфликты // Вопр. лит.-ры. 1966. № 8. С. 116–125; Мануйлов В. Улицы ведут к морю // Ленинградская правда. 1968. 7 февр. С. 3; Изюмова Н. Ружье вернется к владельцу // Лит. Россия. 1968. № 27. С. 18; Рыбаков А. Шестеро в пути. Заметки о прозе молодых // Лит. газ. 1969. 23 апр. С. 6; Фомичев С. О времени или о себе // Аврора. 1972. № 6. С. 66–68; Полухина Л. После нелегкого плавания // Лит. газ. 1972. 13 сент. С. 5; Камянов В. По родословной линии // Новый мир. 1977. № 4. С. 245–260; Шубин Э. Большая жизнь и малая проза // Звезда. 1968. № 9. С. 203–212; Крышук Н. Инструкция судьбы // Глинка М. Горизонтальный пейзаж. Конец лета. Л., 1989. С. 477–493; Кураев М. Одиночное плавание // Лит. обозрение. 1991. № 3. С. 22–29.

В. М. Акимов, М. В. Педько

ГЛУШКОВА Татьяна Михайловна [23.12.1939, Киев — 22.4.2001, Москва] — поэт, критик, публицист, переводчик, литературовед.

Родилась в Киеве в семье ученых-физиков. В 1965 окончила Лит. ин-т им. М. Горького (семинар Ильи Сельвинского). В 1964–65 работала экскурсоводом в музее А. С. Пушкина в Михайловском.

Т. М. Глушкова

Первыми публикациями Г. стали ее переводы (стихи и проза, переведенные с украинского и с грузинского, в дальнейшем с чешского, латышского, польского, сербского) в русских периодических изд. 1962–63. Первые стихи Г. печатаются в «Лит. газ.» (1962. 10 июля) и «Дне поэзии» (1963). В 1971 выходит первый поэтический сб. Г. «**Белая улица**», получивший положительные отзывы в лит. критике.

Стихи Г. отличаются «неявностью конечного смысла и содержательной уплотненностью» (И. Роднянская). Одно небольшое стих. поэт нагружает «скарбом столетий»: в поле внимания лирической героини находятся прошлое, настоящее и будущее. Это явление можно назвать одной из основных черт поэтики Г. В ее стихах нет четкой и определенной темы — для Г. характерна достаточно быстрая смена состояний души и природы в пределах одного стих. В то же время Г.— каллиграф стиха. Она доводит стих. до состояния завершенности, но самые проникновенные строчки оставляет на финал, который, несмотря ни на что, обычно звучит оптимистически. По выражению В. Бондаренко, «поэт оставляет надежду не себе, а другим, будущим...»

Основные темы ее лирики — любовь, война, родной дом, природа, но лирическим центром, безусловно, является тема Родины. В каждом стих. ощущается любовь поэтессы к родной земле. Нужно отметить особую роль образов природы в стихах Г.: пейзаж помогает ей выразить чувства лирической героини,